

Константин Душенко\*

## ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛЕГЕНДА О НАВОДНЕНИИ И МИФ О «КОНЦЕ ПЕТЕРБУРГА»\*\*

Получено: 02.04.2021. Рецензировано: 15.04.2021. Принято: 15.04.2021.

**Аннотация:** В статье рассматривается «легенда о наводнении» как часть культурного мифа о «конце Петербурга» (т. е., в сущности, о конце созданной Петром I империи). Существование фольклорной легенды о наводнении постулируют все авторы работ о «петербургском мифе» и «петербургском тексте». Считается, что именно она лежит у истоков литературных произведений на эту тему. В действительности дело обстоит наоборот: не литературная легенда возникла из устного предания, а представление о «предании» возникло под влиянием уже сложившейся литературной легенды. Не существует ни одной сколько-нибудь ранней записи «легенды о наводнении», а запись, опубликованная в 1888 г. П. П. Каратыгиным, не может быть принята в качестве исторического свидетельства. Начало литературной легенде о наводнении положил А. Мицкевич. Именно он создал первый эсхатологический (в точном смысле слова) образ гибели Петербурга от наводнения и связал его с идеей изначального проклятия «города на костях». Затем этот образ развивали русские поэты-романтики, а решающая роль в кодификации «легенды» принадлежала романам Мережковского «Петр и Алексей» (1904–1905) и «Александр I» (1911–1912).

**Ключевые слова:** Ю. Лотман, А. Мицкевич, П. П. Каратыгин, В. С. Печерин, М. А. Дмитриев, Д. С. Мережковский, петербургский миф, петербургский текст, городской фольклор.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-34-54.

«Петербургский миф» русской культуры включает в себя миф о начале города и миф о его конце; при этом Петербург, как правило, выступает в роли метонимического обозначения Российской империи в целом. Важной частью мифа о «конце Петербурга» является «легенда о наводнении». Существование фольклорной легенды о наводнении постулируют все авторы работ, так или иначе связанных с мифологией Петербурга.

А. А. Панченко, исследователь народной религиозности и городского фольклора, отмечает «крайне малое присутствие петербургской тематики в фольклорных текстах»; в народном сознании не существует образа «проклятого Петербурга», обреченного запустению или гибели

\*Душенко Константин Васильевич, к. и. н., ст. науч. сотр. Отдела культурологии ИНИОН РАН (Москва), kdushenko@nlp.ru, ORCID: 0000-0001-7708-1505.

\*\*© Душенко, К. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

от наводнения (Панченко, 2004: 506). Но именно этот образ принят за данность в работах о «петербургском мифе»: Петербург народных преданий — «символ, воплощение идеи», а именно «идеи зла и всеобщего вреда» (Долгополов, 1977: 159).

Суть «фольклорной легенды» наиболее четко изложена Р. Г. Назировым в 1975 г. Главное здесь — представление о «первородном грехе» столицы, возведенной «на костях мужиков». «В петербургской легенде с самого начала заложено представление о неотвратимом возмездии». Легенда «возникла [...] из специфического петербургского фольклора», а главный ее мотив — «обреченность гибели от воды». В качестве параллелей Назиров называет «средневековые сказания об ушедших под воду городах (Лионнес в артуровском цикле, Винета в славяно-немецких преданиях, Китеж в русских легендах)» (Назиров, 2005: 58–59).

Все три параллели не слишком удачны. Королевство Лайонесс в средневековом артуровском цикле не уходит под воду; эта версия создана авторами Елизаветинской эпохи. Винета — вымысел немецких историков XVI в., и легенда о ней отнюдь не фольклорная. Причем ни Винета, ни Лайонесс никогда не считались проклятыми. Легенда о граде Китеже родилась в старообрядческой среде в конце XVIII в., т. е. *гораздо позже* ранних пророчеств о запустении (не затоплении!) Петербурга, и смысл ее противоположен «петербургской легенде»: Китеж гибнет как святой град, не подчинившийся безбожным завоевателям.

Юрий Лотман считал петербургскую легенду о наводнении частным случаем легенд, связанных с «эксцентрическими городами» (Лотман, 1992: 10):

Эксцентрический город расположен «на краю» культурного пространства: на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется [...] оппозиция «естественное — искусственное». Это город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею [...]. Вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обреченности и торжества стихий будет неотделима от этого цикла городской мифологии. *Как правило, это потоп, погружение на дно моря* (курсив наш. — К. Д.).

«Правило» иллюстрируется немногочисленными примерами из древнерусской литературы. Из них действительно близко к «петербургской легенде» только пророчество о гибели Царьграда, содержащееся в пространной редакции «Откровения Мефодия Патарского» (сирийского апокрифа VII в.) (Сказание Мефодия..., 1863: 262; Лотман цитировал не вполне точно):

И разгневается на ню Господь Бог яростию великою [...], и тако погрузит его и с людьми во глубину морскую и погибнет град той, останется же ся на торгу столп един, в нем же положены честные гвозди господни [...]. Приходящеже в кораблях корабленицы кушцы, и ко столпу тому будут корабли свои привязывати и учнут плакати [...].

Это пророчество восходит к русскому переводу греческого апокрифа, известного под названием «Видения Даниила» (Истрин, 1897: 161; 2-ая паг.):

...Увы тебе тогда, Седмихолмие Вавилоне и окаянне, егда наклонит бог свыше чашу исполнену огня и знамения и вода потопит высокие стены твоя и не останется в тебе столпа единого, да возрыдают тебе плавающие морем цари, да побегнут нищии и кушцы и вся град и страна возплачют и запустеет царство Римское [...].

«Седмихолмие Вавилоне» означает Царьград, «царство Римское» — Византию.

Заметим, что для византийцев, создавших «Видения Даниила», Константинополь ни в коей мере не «эксцентрический город» — напротив, это центр культурно-религиозного пространства. Об основании города «вопреки Природе» также говорить не приходится: «Константинов град», как и Рим, стоял «на семи холмах» и, подобно Риму, наводнений не знал. Как видим, стройное логическое построение о легендах, связанных с «эксцентрическими городами», не находит опоры в источниках.

Русская пространная редакция «Откровения Мефодия» возникла, вероятно, в XV в., но широкое распространение получила в XVII–XVIII вв., прежде всего среди старообрядцев (там же: 244; 1-я паг). Связать пророчество о Царьграде с Петербургом было нетрудно. Староверы, однако, этого так и не сделали — лишнее свидетельство того, что «град Петров» не удостоился в их глазах звания нового Вавилона. В народной эсхатологии, нашедшей свое выражение в старообрядчестве, *нет Петербурга как уникального локуса*. Этот статус он получил лишь в литературной мифологии девятнадцатого и особенно — начала двадцатого века<sup>1</sup>.

<sup>1</sup>Этот вопрос подробно рассмотрен нами в статье «„Быть пусту“: „проклятие Евдокии“ и его рецепция в русской культуре XIX–начала XX вв.», которая готовится к печати в «Новом литературном обозрении».

\*\*\*

Возникновение легенды о наводнении, явно или по умолчанию, относят к XVIII в., нередко — ко времени основания города. Уже Н. Анциферов, зачинатель исследования «петербургского мифа», писал по поводу наводнений XVIII в.: «Мысль о гибели Петербурга от воды укреплялась в сознании народа» (Анциферов, 1991: 71; 3-я паг.) — не находя нужным как-то обосновать это утверждение. С начала XX в. «легенда» неизменно связывается с «откровением» царевны Евдокии. «Откровение» стало известно из показаний царевича Алексея на следствии, опубликованных в 1859 г.: «...Питербурх не устоит за нами: „Быть-де ему пусто; многие-де о сем говорят“» (Устрялов, 1859: 457).

К. А. Кумпан и А. М. Конечный возводят «откровение Евдокии» к стихам Иер. 51:42–43<sup>2</sup>, усматривая в нем аллюзию на гибель Петербурга от воды (Лихачев, Анциферов, 1991: 58). Этот взгляд ныне преобладает в литературе. Однако мотив «запустения» города или страны встречается в нескольких местах Ветхого Завета (напр. Иер. 22:3–9; Пс. 68:26), и выбор именно этих стихов совершенно произволен. В сущности, единственное его обоснование — представление о древности «наводненческой» петербургской легенды.

Между тем в ранних «петербургских пророчествах» мотива наводнения вовсе нет. Евдокия прямо связывает запустение с иноземным завоеванием («Питербурх не устоит за нами»). Ее духовный наставник Досифей полагал, что город сам собой захиреет после смерти Петра («...строение Петербурга умалилось и престало») (Ефимов, 1995: 157). Дьякон Федосеев, решивший, что в кафедральном соборе Петербурга завелся черт в облике кикиморы, опасался опустения, но не затопления города: «Санкт-Питербурху пустеть будет» (1722) (Семевский, 1884: 87). Кстати сказать, в XVIII в. наибольший ущерб наносили Петербургу не наводнения, а пожары, начиная с опустошительного пожара 1710 г. на Петроградской стороне, в самом центре строящегося города.

Два известных нам ранних пророчества о *затоплении* Петербурга относятся уже к царствованию Екатерины II. В дневнике Семена Порошина от 1 декабря 1764 г. сообщалось

о проявившемся сумасброде, который предсказывает, что накануне или на другой день Рождества Христова нынешнего году будет потоп, и другие враки рассеивает (Порошин, 1844: 165).

<sup>2</sup> «Взыде на Вавилон море в шуме волн своих, и покрыся. / Быша гради его в запустение [...]» (ч.-сл.).

15 сентября 1788 г., когда вел. княгиня Мария Федоровна, жена цесаревича Павла, садилась в карету, к подъезду Зимнего дворца подошел неизвестный с книгой в руках и прокричал какие-то слова. Когда карета отъехала, он обратился к придворной прислуге: «Покайтесь! Веруйте по старым книгам! Примите старую веру, а без того погибнете». Это был 26-летний оброчный крестьянин Григорий Васильев, державший лавку на Васильевском острове; четырьмя годами ранее он обратился в своей деревне в старую веру. На допросе он показал, что «Бог его послал прорекать, и ежели не примется та вера, город сгорит или потопнет» (Есипов, 1880: 203–204).

Слова «сгорит или потопнет» указывают на то, что конкретный способ гибели города был Васильеву безразличен. На распросе он показал, что выступить в роли пророка его побудило чтение Апокалипсиса; как известно, в Апокалипсисе Вавилон (иносказательно: Рим) гибнет в пламени пожара (Ап. 18:8–9). Связь обоих пророчеств с каким-либо устным преданием не прослеживается; подобного рода «пророки» появляются и в наше время.

Первая запись «наводненческой» легенды появилась чуть ли не *два века спустя* после основания города — и это, по-видимому, *единственная* сколько-нибудь давняя запись. Она приведена в книге Петра Петровича Каратыгина «Летопись петербургских наводнений» (1888). Ввиду ее важности для истории «петербургского мифа» приведем ее почти целиком.

Раскольники, ненавистники Петра, [...] всячески мучили народ во все продолжение его царствования ложными чудесами и всякими прелестными пророчествами. Так было, между прочим, в 1720 году. Явился какой-то пророк-пустосвят, предсказывавший, что ко дню зачатия Предтечи, 23-го сентября, с моря нахлынет вода на город выше всех прежних вод. Она затопит Петербург и изведет весь народ за отступление от православия. На Петербургском острове у Троицкой пристани, неподалеку от крепости, стояла древняя сосна или ольха. Чухны, жившие здесь еще до основания Петербурга, рассказывали об этом дереве чудеса. Ночью в рождественский сочельник 1701 года над деревом явилось внезапное зарево от множества восковых свеч, на нем зажженных. Чухны, надев топор на жердь, стали рубить сук на дереве, думая, что свечи спадут с него. Свет после нескольких ударов исчез, а от топора остался на дереве рубец пальца в два, на две сажени от земли. Пророк говорил, что 23-го сентября вода покроет берег на высоту именно этой самой зарубки. И чухны и русские верили этому вранью, и жители Петербурга приуныли и стали переселяться с низменных прибережьев Невы

на места более высокие. [...] Чтобы образумить суеверов, Петр Великий, призвав на берег Невы роту преображенцев, приказал им срубить чудесное дерево в своем присутствии; оно рухнуло, но пень остался, и еще в 1725 году его ходили смотреть как редкость. У этого самого пня пророка наказали кнутом, наделав ему насечек много пониже намеченной высоты наводнения, а народу внушили, чтобы он басням не верил. Однако же говорят, что наводнение действительно случилось в 1720 году, но только не в то число, которое предсказывал пророк (Каратыгин, 1888: 8–9).

Легенда связана здесь с раскольниками и чухной, т. е. угро-финским коренным населением Ижорского края. Эта связь сохранялась и в более поздних ее версиях, появившихся в печати (без какой-либо документации) уже в XXI в. Но перед нами не легенда как таковая, а довольно сложная повествовательная конструкция — рассказ о пророчестве раскольника, которое, в свою очередь, отсылает к «чухонской» легенде. В этом рассказе содержатся три точные даты, что совершенно чуждо фольклору.

П. П. Каратыгин, будучи «добросовестным компилятором» (Осьмакова, 1992: 482), неизменно давал ссылки на опубликованные свидетельства и документы. Но история о «пророке-пустосвяте» приведена без каких-либо ссылок: автор ограничился неопределенным «говорят».

О фольклористических изысканиях Каратыгина ничего не известно, зато известно, что его живо интересовали всякого рода мистические явления:

сбывающиеся пророчества, предчувствия и приметы, загадочная повторяемость событий и совпадение дат, фигуры прорицателей, гадалок и т. д. (там же).

Незадолго до «Летописи...» он опубликовал два густо замешанных на мистике романа из времени царствования Павла I и Александра I: «Чернокнижники» (1885) и «Заколдованное зеркало» (1886).

Все это дискредитирует «легенду о пустосвяте» в качестве исторического свидетельства. Впрочем, даже и в ней все еще нет центрального мотива «петербургской легенды» — изначального проклятия «города на костях».

Многие авторы ссылаются также на воспоминания Владимира Соллогуба, опубликованные в 1874 г. Описав наводнение 1824 г., Соллогуб добавляет: «...Существует предсказание, что он (Петербург) когда-нибудь погибнет от воды и что море его зальет» (Соллогуб, 1931: 183). Легенды как таковой здесь нет; к тому же воспоминания о событиях

полувековой давности сильно подвержены аберрации памяти. Известно, что нескольким лицам приписывалось предсказание или предчувствие «потопа» 1824 г.

\*\*\*

Литературная легенда о наводнении была проекцией мифа о Всемирном потопе на ситуацию повторяющихся наводнений. Теоретически она могла возникнуть когда угодно, но в реальности это произошло лишь в эпоху романтизма. Непосредственным поводом ее создания стало наводнение 1824 г., самое разрушительное за всю историю Петербурга. Прологом к созданию легенды можно считать проповедь о наводнении Феодосия Левицкого.

Мистические настроения, возобладавшие в окружении Александра I после 1815 г., сильно оживили интерес к пророческим книгам и Апокалипсису. В 1822 г. Феодосий Левицкий, священник из г. Балта (Подолья), отправил министру духовных дел князю А. Н. Голицыну трактат о примирении христианских церквей перед лицом приближения Царства Божия. В 1823 г. Левицкого доставили в Петербург, где он неоднократно беседовал с государем. Однако архимандрит Фотий, в 1824 г. взявший верх над князем Голицыным, считал Левицкого еретиком.

Взгляды Левицкого действительно были не вполне правоверны с точки зрения официальной церкви. За пять лет до прибытия в Петербург он вообразил себя одним из двух «свидетелей», которые, согласно главе 11 Откровения Иоанна Богослова, должны свидетельствовать о Страшном суде и приближении Царства Божия:

...Они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище.

Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли.

[...]

И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их,

и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят (Ап. 11, 3–4, 7–8).

На другой день после наводнения 8 ноября 1824 г. Левицкий прочел в Троицкой церкви проповедь, уснащенную цитатами из Апокалипсиса; эта проповедь известна в позднейшем изложении ее автора. Левицкий возвестил, что наводнение есть

удар праведного суда Божия, воздающего нам по делам нашим, как сие неоднократно мною же [...] самому правительству представлено было;

но вместо плодов покаяния

явились в сем граде плоды совсем противные, смертоносною и убийственною злобою против первейших известных светильников церкви Божия, а в лице их и против самого Христа Господа исполненные;

и потому «праведный суд Божий и потопным сим наводнением несчастный и беззаконный сей мир наказал» (Левицкий, 1880: 160–161).

«Светильником» Левицкий, безусловно, считал себя, согласно приведенному выше стиху из Апокалипсиса, а врагом Христа — прежде всего Фотия. В автобиографии он так излагает свои мотивы (там же: 160):

...поелику не видно было со стороны Правительства, ни духовного, ни светского, ни малого движения к покаянию и к познанию зол своих.

Неудивительно, что Левицкий был немедленно сослан в Коневский монастырь на Ладоге.

Мотив наказания «сего мира» за гонения против Христа и эсхатологическая устремленность сближают проповедь Левицкого с мироощущением старообрядцев. Но балтский священник вдохновлялся не преданиями староверов, а новейшими мистическими учениями, шедшими с Запада; его мечтой было соединение всех христианских церквей, а излюбленным чтением — подшивки «Сионского вестника» масона А. Ф. Лабзина и сочинения немецкого мистика И. Г. Юнга-Штиллинга.

Проповедь Левицкого, прочитанная уже после «потопного наводнения», не была в буквальном смысле пророчеством о «гибели от воды». Однако она, вероятно, сыграла известную роль в создании «петербургской легенды», тем более что еще до наводнения Левицкий несколько раз говорил с амвона «о приближающемся суде и царствии Божиим», ибо «знамения пророческие и апокалипсические исполнились» (там же: 150–151). Задним числом здесь вполне можно было усмотреть предсказание грядущего потопы — возможно даже, то самое, о котором полвека спустя вспоминал Вл. Соллогуб.

Уподобление наводнения 1824 г. потопу, хотя и без пророческих интонаций, было обычным в то время. В письмах и стихах Пушкина наводнение неоднократно названо потопом — иногда шутливо, иногда (в т. ч. в «Медном всаднике») серьезно.



\*\*\*

Первое литературное пророчество о гибели Петербурга было также связано с «потопом» 1824 г., но появилось оно не в России, а в польской послеповстанческой эмиграции начала 1830-х годов. Речь идет о стихотворении Адама Мицкевича «Олешкевич». Оно входит в цикл стихотворений о России, помещенный после III части поэмы «Дзяды» (1832) под общим заглавием «Отрывок» («Ustęp»); из семи стихотворений этого обширного (свыше 1000 строк) цикла Петербургу посвящены пять.

Появление такого пророчества у польского поэта не было случайным. После поражения восстания 1830–1831 годов польская литература, философия и публицистика развивались под знаком национального мессианства и напряженных эсхатологических ожиданий; Мицкевича уже при жизни называли пророком. Тема Российского государства как поработителя Польши и воплощения мирового зла занимала в творчестве эмигрантов-романтиков огромное место. Для Мицкевича Россия к тому же была местом ссылки, а свежие следы наводнения 1824 г. он наблюдал воочию.

Петербург в «Отрывке» — воплощение духа деспотизма и одновременно марево, мираж. Накануне наводнения 1824 г. польский художник Олешкевич, исследователь Библии и Каббалы, пророчествует о гибели города:

Господь потрясет ступени ассирийского трона,  
 Господь потрясет основание города Вавилона.  
 ...  
 Слышу! — уже разнuzданная морская пучина  
 Брыкается и грызет ледяные удила,  
 Уже вздымает влажную выю под облака;  
 Уже! — еще одна, (лишь) одна цепь удерживает (ее) —  
 Но вскоре (ее) раскуют — я слышу удары молотов...  
 (Mickiewicz, 1832: 264, 267).

Образ расковывания цепей с целью освободить морскую пучину, вероятно, восходит к Книге Иова, 38:8–10<sup>3</sup>.

После гибели Петербурга как нового Вавилона («второе испытание» после гибели Ассирии и Вавилона) Олешкевич прозревает третье, «последнее испытание», которое «не приведи, Господи, увидеть!», — т. е.

<sup>3</sup> «Кто затворил море воротами, / когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, [...] / и поставил запоры и ворота...» (См.: К истории..., 2003).

конец света и Страшный суд (Ап. 14:9). Таким образом, именно Мицкевич создал первый эсхатологический (в точном смысле слова) образ гибели Петербурга от наводнения и связал его с идеей изначального проклятия «города на костях» (см.: Душенко, 2019).

По мнению А. В. Архиповой (с которым мы совершенно согласны), Мицкевич «впервые объединил *все основные образы и мотивы петербургского мифа*, разработанного позднее русской романтической литературой» (курсив наш. — К. Д.) (Архипова, 1994: 15). Правда, и Архипова разделяла всеобщую веру в первичность «народной легенды»:

Мицкевич, живя в Петербурге, вероятно, познакомился и с некоторыми из легенд и преданий, которыми так богат фольклор северной столицы. Один из самых распространенных и устойчивых мотивов петербургского фольклора — обреченность города, неизбежная гибель его от наводнения — сложился еще в эпоху первоначального строительства Петербурга;

далее следует ссылка на «Летопись...» Каратыгина (там же). Мы же считаем, что истоки петербургского мифа о наводнении как Апокалипсисе следует искать прежде всего в «Отрывке» Мицкевича.

Ярким примером уравнивания в правах фантомного текста (фольклорной легенды о наводнении) с текстом реальным («Медным всадником») служит статья Т. И. Тверитиновой о «наводненческом» мифе. Тверитинова, следуя укоренившемуся мнению, считает самоочевидным «контакт Пушкина с петербургской легендой», несмотря на проистекающие отсюда интерпретационные трудности: оказывается, что автор поэмы «сознательно (!) смещает акцент петербургской легенды», больше того — «противоречит петербургской легенде: стихия выступает не мифическим союзником народа, а враждебной силой» (Тверитинова, 2011: 147). В существовании «эсхатологической петербургской легенды», известной Пушкину, не сомневался И. В. Немировский (Немировский, 1990: 9).

\*\*\*

Практически одновременно с «Медным всадником» была написана поэма «Pot-rouggi» Владимира Печерина (1807–1885). Здесь впервые в русской литературе дана эсхатологическая картина гибели города, отождествленного с Петербургом.

В 1833–1835 годы Печерин, выпускник Петербургского университета, стажировался в Берлинском университете, в течение одного семестра преподавал древнегреческую словесность в Московском университете, а в 1836 г. навсегда покинул Россию, отказавшись от блестящей

профессорской карьеры и выбрав судьбу политического эмигранта. В 1840 г. он принял католичество, а затем постригся в монахи ордена редemptористов.

Поэма «Pot-pourri, или Чего хочешь, того просишь» была написана в Берлине в последние месяцы 1833 г. и оттуда послана в Петербург университетским друзьям. Напечатана она была Герценом и Огаревым в 1861 г., причем дважды: в «Полярной звезде» (кн. 6) — под авторским заглавием, а в сборнике «Русская потаенная литература XIX» — под заглавием «Торжество смерти»; это название закрепилось в позднейшей литературе.

Поэма состоит из нескольких почти самостоятельных частей. Вторая часть («Театр») включает в себя пролог, собственно спектакль и интермедию «Торжество смерти». Разыгрываемая в «Театре» пьеса в тексте самой поэмы имеет два названия: «Новое виденье, / Столицы древней разрушенье» и «Языческий Апокалипсис». В этой пьесе-мистерии столица тирана Поликрата Самосского гибнет под ударами морской стихии (Поэты 1820–1830-х годов, 1972: 478):

Вздуйте волны, подымите  
И, как горы, покатите  
На преступный этот град,  
Где оковы, кровь и смрад!

Вместе с Поликратом гибнет и его народ, проклиная тирана.

Из петербургских реалий в мистерии упоминаются постоянно грозящие городу наводнения и «гранитные берега» столицы, да еще «пять померкших звезд» — аллюзия на казнь пяти декабристов. Гибель города — событие космического масштаба; в сущности, речь идет о вселенской революции, которая создаст, говоря словами Откровения, «новое небо и новую землю». «Последний прилив моря — город исчезает».

Все народы, настоящие, прошедшие и будущие, соединяются с служебными духами Немезиды [...]. Буря утихает — и над гладкою поверхностью моря с Востока подымается вечное солнце (там же: 481, 482).

Евгений Тоддес, автор работы о «Медном всаднике» Пушкина, полагал, что «трагедия петербургского потопа [...] оживила устное предание о роковой судьбе города», а поэма Печерина стала «наиболее значительным выражением этой подспудной традиции» (Тоддес, 1968: 97, 100). И. Л. Попова считала несомненным «усвоение Печериным мифа о гибели Петербурга, преданного анафеме и погребенного под водой»

(Шашкова, 2004: 253). О фантомности этого мифа говорено выше; куда очевиднее — и гораздо важнее — связь «Языческого Апокалипсиса» с мифом о Всемирном потопе: в обоих случаях речь идет о мировом катаклизме. Столь же несомненно сходство мистерии с «Олешкевичем», где гибель Петербурга также окрашена в апокалиптические тона и предстает как возмездие свыше за преступления деспотизма.

В 1906 г. под именем Лермонтова было опубликовано сохранившееся не полностью стихотворение, известное под заглавием «Наводнение» или «Стихи о наводнении». Затем его авторство столь же бесосновательно приписывалось декабристу Александру Одоевскому. Оно записано в 1840–1850-е годы и датируется предположительно второй половиной 1830-х годов. «Стихи о наводнении» представляют собой аллегорическую картину восстания 14 декабря:

И день настал, и истошилось  
Долготерпение судьбы,  
И море с шумом ополчилось  
На миг решительной борьбы.

Приступ отбит: пушечный залп «рой мятежных разогнал». Но победителя ожидает возмездие со стороны неких неведомых сил:

И тут-то царь затрепетал  
И к царедворцам обратился...  
Но пуст и мрачен был дворец,  
И ждет один он свой конец (Вольная русская..., 1988: 359).

Эти весьма несовершенные стихи были приписаны Лермонтову на основании фрагмента воспоминаний В. Соллогуба (1874) (Соллогуб, 1931: 183):

Лермонтов [...] любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого подымалась оконечность Александровской колонны с венчающим ее ангелом. В таком изображении отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазия.

В 1845 г. Константин Аксаков написал стихотворение «Петру» (опубл. в 1880 г.). Мрачный портрет самого Петра и основанной им столицы, название которой «на чуждом языке дано», завершается предсказанием гибели Петербурга. В том же году появился «Ответ Аксакову на стихотворение Петр Великий». Его автор, поэт Михаил Александрович Дмитриев (1796–1866), консерватор в политике и литературе, с 1843 г. заведовал делами Общего собрания московских департаментов Сената. Тогда же он сблизился со славянофилами, хотя стоял среди

них особняком. В «Ответе...» он защищал «священную память» Петра, который русской «жизни не давил» и «был родной» своей стране. Однако основная часть стихотворения посвящена обличению преемников царя-реформатора:

И стал им чужд народ им данный,  
Они ему закрыли слух,  
Ни русский в них, ни чужестранный,  
Ни новый, ни старинный дух.  
О нет! упавшая глубоко,  
Родная наша сторона  
Дух раболепного Востока  
Безмолвно зреть осуждена.

Заканчивается «Ответ...» грозным пророчеством, которого скорее можно было бы ожидать в поэзии декабристов или революционных народников:

Но пусть дней наших Валтасары  
Кончают грешный пир, пока  
Слова, исполненные кары,  
Напишет грозная рука (Поэты 1820–1830-х годов, 1972: 59).

В 1861 г. в сборнике «Лютня. Потаенная литература XIX столетия», изданном Огаревым в Лондоне, было помещено стихотворение «Подводный город», приписанное А. С. Хомякову. До этого стихотворение широко распространялось в списках. Его действительным автором был все тот же М. А. Дмитриев. В марте 1847 г. Дмитриев получил отставку со своей должности, и в «Подводном городе», написанном месяц спустя, он уже вторит К. Аксакову: город с «чужим именем» гибнет как воплощение безбожного и антинационального начала. Пророчество из «Ответа Аксакову...» в новом стихотворении реализуется, причем погибшим Вавилоном оказывается Петербург. На этот раз его основатель предстает богоборцем (там же: 60):

Богатырь его построил;  
Топь костями он забутил,  
Только с Богом как ни спорил,  
Бог его перемудрил!

Город, воздвигнутый в «споре с Богом», постигла небесная кара: его поглотили морские волны, и только «шпиль от колокольни / Виден из моря один» (шпиль колокольни Петропавловского собора, главного архитектурного символа Петербурга). От города не осталось даже имени: «Оттого что не родное — / И не памятно оно» (там же). Петербургу

неявно противопоставлена Москва (у Аксакова она названа прямо как бывшая и будущая столица Руси).

«Ответ Аксакову...» и «Подводный город», рассматриваемые как части единого целого, обнаруживают существенные сходства с петербургским циклом Мицкевича. Это не только мотив проклятия Вавилона-Петербурга и его гибели в морских волнах, но и осуждение «духа раблепного Востока». О «городе, основанном на слезах и трупах», говорил уже Карамзин, но у Мицкевича и Дмитриева эта мысль выражена в очень близкой форме: «В [...] болотные топи [...] велел [...] втоптать тела ста тысяч мужиков» (стихотворение «Петербург» (Mickiewicz, 1832: 225) — «Топь костями он забутил». Известный поэт И. И. Дмитриев, дядя М. А. Дмитриева, был хорошо знаком с Мицкевичем в период его пребывания в Москве и перевел один из его сонетов. Уже поэтому М. А. Дмитриев, для которого дядя был, без преувеличения, предметом культа, не мог не интересоваться творчеством польского поэта. К тому же некоторые взгляды Мицкевича-эмигранта, прежде всего мысль о высоком историческом призвании славян, были близки славянофилам. Они, разумеется, отвергали взгляд Мицкевича на русский народ, но суровая критика существующей власти и Петербурга как ее средоточия отнюдь не противоречила их воззрениям. Москвич Герцен в декабре 1842 г. прочел третью часть «Дзядов» во французском прозаическом переводе<sup>4</sup>; надо полагать, что если не с польским, то с французским изданием поэмы были знакомы и его оппоненты-славянофилы, тем более что в их кругу было немало поэтов.

Из авторов 1830 — 1840-х годов Мицкевич и Дмитриев ближе всего подошли к идее изначального проклятия, тяготеющего над Петербургом. Обычно этот мотив возводится все к тому же «петербургскому фольклору»; между тем автор «Отрывка» был поляком, автор «Подводного города» — коренным москвичом.

В упомянутом выше рисунке Лермонтова и стихотворении Дмитриева Лотман усматривал отсылку к пророчеству о затоплении Царьграда в «Откровении Мефодия» (Лотман, 1992: 10–11):

...Деталь — вершина Александровской колонны или ангел Петропавловской крепости, торчащий над волнами и служащий причалом кораблей, — заставляют предполагать прямую переориентацию Константинополь — Петербург.

<sup>4</sup>См. его дневниковую запись от 1 января 1843 г. (Герцен, 1954: 263).

Лермонтов едва ли мог знать еще не опубликованную в печати легенду; чуть более вероятно знакомство с ней Дмитриева, близкого к славянофилам. Но «переориентация», если она и была, совершилась отнюдь не в народной среде. Появление этого мотива в апокрифе можно связать с мифом о Всемирном потопе: священному столпу, не ушедшему под воду, соответствует гора Арарат, к которой пристает Ноев ковчег. Литературная «легенда о затоплении» была версией того же мифа.

Уже после смерти Николая I тираноборческие мотивы в изображении гибели императорского Петербурга отозвались в стихотворении Николая Огарева «Памяти Рылеева» (1859) (Огарев, 1956: 291):

Взойдет гроза на небосклоне,  
И волны на берег с утра  
Нахлынут с бешенством погони,  
И слягут бронзовые кони  
И Николая и Петра.

\*\*\*

В. Топоров, развивая идеи Н. Анциферова, утверждал: «Народный миф о водной гибели был усвоен и литературой, создавшей своего рода петербургский „наводненческий“ текст» (Топоров, 1968: 42). Мы же полагаем, что дело обстоит наоборот: не литературная легенда возникла из устного предания, а представление о «предании» возникло под влиянием уже сложившейся литературной легенды.

Решающая роль в кодификации «легенды о наводнении» принадлежала роману Мережковского «Петр и Алексей» (1904–1905). Именно здесь «легенда» впервые была связана с «проклятием Евдокии», а «проклятие Евдокии» — вопреки историческим фактам — отождествлено с эсхатологией старообрядцев.

Наводнение 1715 г. описано как библейский потоп: «...Кое-где над водою торчавшие башни, шпицы, купола, кровли потопленных зданий»; город «погибал между двумя стихиями — горел и тонул вместе. Исполнялось пророчество: „Питербурху быть пусту“» (Мережковский, 1990: 472). Не забыта и легенда из «Летописи...» П. П. Каратыгина (там же: 460):

Какой-то мужичок напугал весь город предсказаниями, будто бы вода покроев высокую ольху, стоявшую на берегу Невы, у Троицы. Петр велел срубить ольху и на том самом месте наказать мужичка плетью [...].

Тот же миф о гибели Петербурга представлен в романе Мережковского «Александр I» (1911–1912). В день наводнения 7 ноября 1824 г.

камер-фурьер Изотов рассказывает императрице Елизавете Алексеевне легенду, в которой фрагмент из «Летописи...» Каратыгина соединен с «заклятием Евдокии» (Мережковский, 1990: 336):

— Старики сказывают, — на Петербургской стороне, у Троицы, ольха росла высокая, и такая тут вода была, лет за десять до построения города, что ольху с верхушкою залило, и было тогда прорицание: как вторая-де вода такая же будет, то Санкт-Петербургу конец, и месту сему быть пусты<sup>5</sup>. А государь император Петр Алексеевич, как сведали о том, ольху срубить велели, а людей прорицающих казнить без милости. Но только слово то истинно, по Писанию: не увидеша, дондеже прииде вода и взят вся...<sup>6</sup> С вещим ужасом слушали все, и казалось возможным пророчество: там, где был Петербург, — водная гладь с двумя торчащими, как мачты кораблей затопленных, шпицами, Адмиралтейским и Петропавловским.

Образ шпилей, торчащих над водой, вероятно, восходит к «Подводному городу» М. Дмитриева; двустилие из этого стихотворения приведено в статье Мережковского «Петербургу быть пусто» (1908).

Сенатор Лонгинов по случаю наводнения также изрекает пророчество: «Когда-нибудь участь Атлантиды постигнет Петербург...» (там же: 331).

Позднейшие представления о «петербургской легенде», в сущности, прямо или косвенно восходят к романам Мережковского, а также к его статье «Петербургу быть пусто». А. Л. Осповат замечает по поводу одной из мистификаций, связанных с историей написания «Медного всадника»: «„Медный всадник“ [...] начал „порождать“ собственные источники» (Осповат, Тименчик, 1987: 124). Это замечание еще более справедливо для литературного «петербургского мифа».

#### ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Н. П.* Быль и миф Петербурга // Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. — М. : Книга, 1991. — С. 1–88.
- Архипова А. В.* Достоевский и Адам Мицкевич // Достоевский : Материалы и исследования. В 20 т. Т. 11 / под ред. Г. М. Фридлендера. — Л., СПб. : Наука, Нестор-История, 1994. — С. 13–27.

<sup>5</sup>Заметим, что по буквальному смыслу этого рассказа пророчество о конце Петербурга изрекается за десять лет до основания города.

<sup>6</sup>Мережковский вводит евангельское пророчество (Мф. 24:39), включающее мотив Всемирного потопа; в синод. пер.: «...Как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, / и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого».



- Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. В 2 т. Т. 1 / под ред. Ю. А. Андреева. — Л. : Сов. писатель, 1988.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 2. — М. : Издательство АН СССР, 1954.
- Долгополов Л. К.* Миф о Петербурге и его преобразование в начале века // На рубеже веков : О русской литературе конца XIX – начала XX века. — Л. : Сов. писатель, 1977. — С. 150–194.
- Душенко К. В.* Два Петра и два Петербурга : Мицкевич и Пушкин // Человек : образ и сущность. — 2019. — Т. 40, № 5. — С. 196–139.
- Есинов Г. В.* Люди старого века : Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. — СПб. : А. С. Суворин, 1880.
- Ефимов С. В.* Евдокия Лопухина — последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь : Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова / под ред. С. В. Лобачёва, А. С. Лаврова. — СПб. : СПб. ун-та, 1995. — С. 136–163.
- Ивинский Д. П.* К истории литературных отношений Пушкина и Мицкевич : «Медный всадник» и «Отрывок» III части «Дядюв» / Образовательный портал «Слово». — 2003. — URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/37154.php> (дата обр. 30 марта 2020).
- Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах : Исследование и тексты. — СПб. : Университетская тип., 1897.
- Картыгин П. П.* Летопись петербургских наводнений. 1703–1879 гг. — СПб. : А. С. Суворин, 1888.
- Левицкий Ф.* Описание духовных подвигов и всех случаев жизни священника Феодосия Левицкого, [...] свидетеля приближающегося суда и Царствия Божия, самим им писанные в 1835 г. // Русская старина. — 1880. — Т. 29. — С. 137–168.
- Лихачев Д. С., Анциферов Н. П.* Комментарии к факсимильной части; Список переименованных топонимов Петербурга / под ред. К. К. А., К. А. М. — М. : Книга, 1991.
- Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи. В 3 т. Т. 2. — Таллин : Александра, 1992. — С. 9–21.
- Мережковский Д. С.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3 / под ред. О. Н. Михайлова. — М. : Правда, 1990.
- Назиров Р. Г.* Петербургская легенда и литературная традиция // Русская классическая литература : сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. — Уфа : РИО БашГУ, 2005. — С. 58–70.
- Немировский И. В.* Библиейская тема в «Медном всаднике» // Русская литература. — 1990. — № 3. — С. 3–17.
- Огарев Н. П.* Стихотворения и поэмы. — Л. : Сов. писатель, 1956.
- Осоват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальную повесть сохранить...» Об авторе и читателях «Медного всадника». — М. : Книга, 1987.

- Осьмакова Н. И.* Каратыгин, Каратыгин Петр Петрович // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. В 5 т. Т. 2 / под ред. М. Николаева. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1992. — С. 481–482.
- Панченко А. А.* Петербург как столица скопцов // Отечественные записки. — 2004. — № 2. — С. 158–169.
- Порошин С. А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государа Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. — СПб. : Тип. П. Крайя, 1844.
- Поэты 1820–1830-х годов. В 2 т. Т. 2 / под ред. Л. Я. Гинзбурга. — Л. : Сов. писатель, 1972.
- Семевский М. И.* Очерки и рассказы из русской истории XVIII в. Слово и дело! 1700–1725. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1884.
- Соллогуб В. А.* Воспоминания. — Л. : Academia, 1931.
- Тверитинова Т. И.* Мифологизация водной стихии в петербургском тексте русской литературы XIX века // Актуальні проблеми слов'янської філології. — 2011. — Т. 24, № 1. — С. 144–151.
- Тихонравов Н. С.* Сказание Мефодия, патриарха Царяграда о Адаме и о потопе, и о разделении язык, и о Михаиле царе, и о антихристе, и о втором пришествии христове, егда придет судити живым и мертвым // Памятники отреченной русской литературы / под ред. Н. С. Тихонравова. — М. : Университетская тип., 1863. — С. 248–268.
- Toddес E. A.* К изучению «Медного всадника» // Пушкинский сборник / под ред. Д. Д. Ивлева, В. В. Мирского, Л. С. Сидякова. — Рига : Латвийский государственный университет им. П. Стучки, 1968. — С. 92–113.
- Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / под ред. Н. Г. Николаюка. — СПб. : Искусство-СПБ, 1968. — С. 7–118.
- Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. В 6 т. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. — СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1859.
- Шашкова А. Е.* Конференция «Образ Петербурга в мировой культуре» // Русская литература. — 2004. — № 1. — С. 247–254.
- Mickiewicz A.* Poezye. W 5 t. Т. 4. Dziady. — Paryż : A. Pinard, 1832.

Dushenko, K. V. 2021. "Peterburgskaya legenda o navodnenii i mif o 'kontse Peterburga' ['St. Petersburg Flood Legend' and the Myth of the 'End of Petersburg']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (2), 34–54.

KONSTANTIN DUSHENKO

PHD IN HISTORY;

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL SCIENCES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES,  
DEPARTMENT OF CULTURAL STUDIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-7708-1505

## “ST. PETERSBURG FLOOD LEGEND” AND THE MYTH OF THE “END OF PETERSBURG”

Submitted: Apr. 02, 2021. Reviewed: Apr. 15, 2021. Accepted: Apr. 15, 2021.

**Abstract:** The article examines the “flood legend” as part of the cultural myth of the “end of St. Petersburg” (ie, in essence, the end of the empire created by Peter I.). The existence of a “folklore flood legend” is postulated by all authors of works on the “Petersburg myth” and “Petersburg text”. It is believed that it is she who lies at the origins of literary works on this subject. In reality, the situation was the other way around: it was not a literary legend that arose from oral tradition, but the idea of “oral tradition” arose under the influence of an already existing literary legend. There is not a single early record of the “flood legend”, and the record published in 1888 by P. P. Karatygin cannot be accepted as historical evidence. The literary “flood legend” began with A. Mickewicz. It was he who created the first eschatological (in the exact sense of the word) image of the death of St. Petersburg from the flood and connected it with the idea of the original curse of the “city on bones”. Then this image was developed by Russian romantic poets, but the decisive role in the codification of the “legend” belonged to D. Merezhkovsky’s novels “Peter and Alexis” (1904–1905) and “Alexander I” (1911–1912).

**Keywords:** Y. Lotman, A. Mickewicz, P. P. Karatygin, V. S. Pecherin, M. A. Dmitriev, D. S. Merezhkovsky, St. Petersburg Myth, St. Petersburg Text, Urban Folklore.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-2-34-54.

### REFERENCES

- Andreyev, Yu. A., ed. 1988. [in Russian]. Vol. 1 of *Vol'naya russkaya poeziya XVIII–XIX vekov [Free Russian Poetry XVIII–XIX Centuries]*. 2 vols. Leningrad: Sov. pisatel'.
- Antsiferov, N. P. 1991. “Byl' i mif Peterburga [The Past and the Myth of St. Petersburg]” [in Russian]. In *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoyevskogo; Byl' i mif Peterburga [The Soul of St. Petersburg; Dostoevsky's Petersburg; The Past and the Myth of St. Petersburg]*, 1–88. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Arkipova, A. V. 1994. “Dostoyevskiy i Adam Mitskevich [Dostoevsky and Adam Mickiewicz]” [in Russian]. In vol. 11 of *Dostoyevskiy [Dostoevsky]: Materialy i issledovaniya [Materials and Research]*, ed. by G. M. Fridlender, 13–27. 20 vols. Leningrad, Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka, Nestor-Istoriya.
- Dolgoplov, L. K. 1977. “Mif o Peterburge i yego preobrazovaniye v nachale veka [The Myth of St. Petersburg and Its Transformation at the Beginning of the Century]” [in Russian]. In *Na rubezhe vekov [At the Turn of the Century]: O russkoy literature kontsa KHIX – nachala XX veka [On Russian Literature of the Late XIX – Early XX Century]*, 150–194. Leningrad: Sov. pisatel'.

- Dushenko, K. V. 2019. "Dva Petra i dva Peterburga [Two Peter and Two St. Petersburg]: Mitskevich i Pushkin [Mickiewicz and Pushkin]" [in Russian]. *Chelovek [Human]: obraz i sushchnost' [Image and Essence]* 40 (5): 196–139.
- Gertsen, A. I. 1954. [in Russian]. Vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Ginzburg, L. Ya., ed. 1972. [in Russian]. Vol. 2 of *Poety 1820–1830-kh godov [Poets of the 1820s and 1830s]*. 2 vols. Leningrad: Sov. pisatel'.
- Istrin, V. M. 1897. *Otkroveniye Mefodiya Patarskogo i apokrificheskiye videniya Daniila v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh [The Revelation of Methodius of Patara and the Apocryphal Visions of Daniel in Byzantine and Slavic-Russian Literature]: Issledovaniye i teksty [Research and Texts]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Universitet'skaya tip.
- Ivinskiy, D. P. 2003. "K istorii literaturnykh otnosheniy Pushkina i Mitskevich: 'Mednyy Vsadnik' i 'Otryvok' III chasti 'Dzyadov'" [in Russian]. *Obrazovatel'nyy portal "Clovo"*. Accessed Mar. 30, 2020. <https://www.portal-slovo.ru/philology/37154.php>.
- Karatygin, P. P. 1888. *Letopis' peterburgskikh navodneniy. 1703–1879 gg. [The Chronicle of the St. Petersburg Floods. 1703–1879]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: A. S. Suvorin.
- Levitskiy, F. 1880. "Opisaniye dukhovnykh podvigov i vsekh sluchayev zhizni svyashchennika Feodosiya Levitskogo, [...] svidetelya priblizhayushchegosya suda i Tsarstviya Bozhiya, samim im pisannyye v 1835 g. [A Description of the Spiritual Exploits and all the Incidents of the Life of the Priest Theodosius Levitsky, [...] a Witness of the Approaching Judgment and the Kingdom of God, Written by Him in 1835]" [in Russian]. *Russkaya starina [Russian Antiquity]* 29:137–168.
- Likhachev, D. S., and N. P. Antsiferov. 1991. *Kommentarii k faksimil'noy chasti; Spisok pereimenovannykh toponimov Peterburga [Comments on the Facsimile Part; List of Renamed Toponyms of St. Petersburg]* [in Russian]. Ed. by Kumpan K. A. and Konechnyy A. M. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Lotman, Yu. M. 1992. "Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of Semiotics of the City]" [in Russian]. In vol. 2 of *Izbrannyye stat'i [Selected Articles]*, 9–21. 3 vols. Tallin: Aleksandra.
- Merezhkovskiy, D. S. 1990. [in Russian]. Vol. 3 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by O. N. Mikhaylov. 4 vols. Moskva [Moscow]: Pravda.
- Mickiewicz, A. 1832. *Dziady* [in Polish]. Vol. 4 of *Poezye*. 5 vols. Paryż: A. Pinard.
- Nazirov, R. G. 2005. "Peterburgskaya legenda i literaturnaya traditsiya [St. Petersburg Legend and Literary Tradition]" [in Russian]. In *Russkaya klassicheskaya literatura [Russian Classical Literature]: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let [A Comparative-Historical Approach. Research from Different Years]*, 58–70. Ufa: RIO BashGU.
- Nemirovskiy, I. V. 1990. "Bibleyskaya tema v 'Mednom Vsadnike' [The Biblical Theme in 'The Bronze Horseman']" [in Russian]. *Russkaya literatura [Russian literature]*, no. 3: 3–17.
- Ogarev, N. P. 1956. *Stikhotvoreniya i poemy [Poetry and poems]* [in Russian]. Leningrad: Sov. pisatel'.
- Os'makova, N. I. 1992. "Karatygin, Karatygin Petr Petrovich [Karatygin, Karatygin Pyotr Petrovich]" [in Russian]. In vol. 2 of *Russkiye pisateli. 1800–1917 [Russian Writers. 1800–1917]: biograficheskiy slovar' [Biographical Dictionary]*, ed. by M. Nikolayev, 481–482. 5 vols. Moskva [Moscow]: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.

- Ospovat, A. L., and R. D. Timenchik. 1987. "Pechal'nyyu povest' sokhranit'...": Ob avtore i chitatel'yakh "Mednogo vsadnika" [About the Author and Readers of "The Bronze Horseman"] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Kniga.
- Panchenko, A. A. 2004. "Peterburg kak stolitsa skoptsov [St. Petersburg as the Capital of the Scopians]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski [Fatherland Notes]*, no. 2: 158–169.
- Poroshin, S. A. 1844. *Zapiski, sluzhashchiye k istorii Yego Imperatorskogo Vysochestva Blagovernogo Gosudarya Tsesarевича i Velikogo Knyazya Pavla Petrovicha [Notes on the Ristory of His Imperial Highness the Most Reverend Tsar Tsarevich and Grand Duke Pavel Petrovich]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. P. Kravyya.
- Semevskiy, M. I. 1884. *Ocherki i rasskazy iz russkoy istorii XVIII v. [Essays and Stories from the Russian History of the XVIII Century]: Slovo i delo! 1700–1725 [Word and Deed! 1700–1725]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. V. S. Balasheva.
- Shashkova, A. Ye. 2004. "Konferentsiya 'Obraz Peterburga v mirovoy kul'ture' [Conference 'The Image of St. Petersburg in World Culture']" [in Russian]. *Russkaya literatura [Russian Literature]*, no. 1: 247–254.
- Sollogub, V. A. 1931. *Vospominaniya [Memories]* [in Russian]. Leningrad: Academia.
- Tikhonravov, N. S. 1863. "Skazaniye Mefodiya, patriarkha Tsaryagrada o Adame i o potope, i o razdelenii yazyk, i o Mikhaile tsare, i o antikhriste, i o vtorom prishestvii khristove, yegda pridet suditi zhivym i mertvym [The Legend of Methodius, the Patriarch of Tsargrad, about Adam and the Flood, and the Division of the Earth, and about Michael the King, and about the Antichrist, and about the Second Coming of Christ, when He will Come to Judge the Living and the Dead]" [in Russian]. In *Pamyatniki otrenchennoy russkoy literatury [Monuments of the Renounced Russian Literature]*, ed. by N. S. Tikhonravov, 248–268. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tip.
- Toddes, Ye. A. 1968. "K izucheniyu 'Mednogo vsadnika' [To Study the 'Copper Rider']" [in Russian]. In *Pushkinskiy sbornik [Pushkin Collection]*, ed. by D. D. Ivlev, V. V. Mirskiy, and L. S. Sidiyakov, 92–113. Riga: Latvviyskiy gosudarstvennyy universitet im. P. Stuchki.
- Toporov, V. N. 1968. "Peterburg i 'Peterburgskiy tekst russkoy literatury' (Vvedeniye v temu) [Petersburg and the 'Petersburg text of Russian Literature' (Introduction to the Topic)]" [in Russian]. In *Peterburgskiy tekst russkoy literatury [The Petersburg Text of Russian Literature] : Izbrannyye trudy [Selected Works]*, ed. by N. G. Nikolayuk, 7–118. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Iskusstvo-SPB.
- Tveritinova, T. I. 2011. "Mifologizatsiya vodnoy stikhii v peterburgskom tekste russkoy literatury KHIX veka [Mythologization of the Water Element in the St. Petersburg Text of Russian Literature of the XIX Century]" [in Russian]. *Aktual'ni problemi slov'yans'koi filologii [Actual Problems of Slavic Philology]* 24 (1): 144–151.
- Ustryalov, N. G. 1859. *Tsarevich Aleksey Petrovich [Grand Duke Alexei Petrovich of Russia]* [in Russian]. Vol. 6 of *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo [History of the Reign of Peter the Great]*. 6 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii.
- Yefimov, S. V. 1995. "Yevdokiya Lopukhina — poslednyaya russkaya tsaritsa XVII veka [Evdokia Lopukhina — the Last Russian Tsarina of the XVII Century]" [in Russian]. In *Srednevekovaya Rus' [Medieval Russia]*, ed. by S. V. Lobachëv and A. S. Lavrov, 136–163. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: SPb. un-ta.
- Yesipov, G. V. 1880. *Lyudi starogo veka [People of the Old Age]: Rasskazy iz del Preobrazhenskogo prikaza i Taynoy kantselyarii [Stories from the Cases of the Preobrazhenskiy Order and the Secret Office]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: A. S. Suvorin.